

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Байбакова Л.В. — Тайная дипломатия президента США Т. Рузвельта во время мирной конференции в Портсмуте (август 1905 г.) // Исторический журнал: научные исследования. – 2024. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.1.43856 EDN: NJKNKO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43856

Тайная дипломатия президента США Т. Рузвельта во время мирной конференции в Портсмуте (август 1905 г.)

Байбакова Лариса Вилоровна

доктор исторических наук

профессор, кафедра новой и новейшей истории, МГУ имени М. В. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, ул. Ломоносовский Проспект, 27 корпус 4, каб. Г-421

✉ larisa.baybakova@yandex.ru

[Статья из рубрики "Запад – Россия – Восток"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.1.43856

EDN:

NJKNKO

Дата направления статьи в редакцию:

21-08-2023

Аннотация: В статье рассматривается посредническая миссия президента США Т. Рузвельта, внесшая существенный вклад в окончании кровопролитной русско-японской войны 1904-1905 г. Предложив содействие конфликтующим сторонам в поисках взаимного компромисса, он стремился путем умелого маневрирования использовать противоречия между великими державами в интересах возросшего влияния собственной страны на мировую политику. В сформулированной им теории «баланса сил» главное внимание уделено распределению зон контроля между геополитическими игроками, при этом существенное место в международных отношениях отводилось США, которые на рубеже XIX-XX вв. активно включились в борьбу за рынки сбыта. При рассмотрении «добрых услуг» президента главный акцент сделан на анализе используемых им разнообразных дипломатических средств для достижения поставленных целей. Одним из первых он прибегнул к так называемой «многосторонней» дипломатии, предполагавшей комплексное применение, как общепринятых, так и нетрадиционных мер медиативного воздействия. Приняв на себя роль посредника, он смог не только добиться разграничения сфер влияния с Японией в Восточной Азии, но и «открыть двери» для

американского капитала в Северный Китай на основе принципа наибольшего благоприятствования. Итоги Портсмутского мира привели к изменению баланса сил в азиатско-тихоокеанском регионе, в котором США, благодаря успешному посредничеству Рузвельта, превратились в главного игрока международной дипломатии.

Ключевые слова:

региональные конфликты, сферы влияния, русско-японская война, Теодор Рузвельт, Портсмутская конференция, посредничество, мирные переговоры, многосторонняя дипломатия, челночная дипломатия, закулисная дипломатия

Преддверие 120-й годовщины русско-японской войны 1904-1905 гг. служит поводом для того, чтобы еще раз обратиться к анализу ее слабо изученных аспектов. Данная тема требует многофакторного анализа, в котором выделяются глобальные, региональные и страноведческие аспекты, в рамках которых изучается состояние воюющих держав на фронте и в тылу, а при рассмотрении сложно переплетенного комплекса международных отношений – роль Восточной Азии как особой субрегиональной подсистемы в структуре глобальных политико-экономических отношений. Интернационализация мирохозяйственных связей, вызванная начавшейся в конце XIX в. первой волны глобализации, во многом объясняет, почему русско-японская война началась с нападения японцев на Порт-Артур, являвшегося базой императорского флота России на севере Китая, а завершилась подписанием мирного договора не в японском Симоносеки или российском Санкт-Петербурге, а в американском городке Портсмут.

В данном случае, следуя принципу системности, наиболее оптимальному для изучения международных конфликтов, необходимо выявить изменения качественного состояния его компонентов, в котором выявляется «тесная переплетенность в объективной реальности общего, особенного и единичного», учитывая при этом, что и сами элементы сохраняют определенную самостоятельность [\[1, с. 175\]](#). Вот почему для воссоздания целостности картины взаимоотношений государств, вовлеченных в урегулирование русско-японского конфликта на азиатском пространстве, необходимо тесное взаимодействие, как историков-международников, так и ученых-страноведов, рассматривающих сложную диалектику этих объективных и субъективных интересов, не исключая возможные варианты альтернативного развития. Для американистов из всего сложного комплекса аспектов данной проблематики приоритетным направлением является рассмотрение особенностей дипломатии президента США Т. Рузвельта в ходе подготовки и проведения мирной конференции в Портсмуте. Предложив содействие конфликтующим сторонам в поисках взаимного компромисса, он стремился путем умелого маневрирования не допустить чрезмерного усиления великих держав в кризисных регионах мира, считая, что США, достигшие небывалого уровня экономической мощи к началу XX в., могут и сами рассчитывать на получение соответствующей доли влияния на мировой арене. Истинной целью политика являлось достижение мирового господства под благовидным предлогом оказания миротворческих услуг.

В американской литературе приемы, используемые Рузвельтом для достижения поставленных целей, получили название «личностной» (персональной) дипломатии, предполагавшей несоразмерную с его должностью активность во внешнеполитической сфере в обход традиционным бюрократическим структурам. Дело в том, что все политические решения он принимал единогласно, без согласования с кабинетом

министров, госдепом, конгрессом и дипломатическими службами. Во многом это произошло по воле случая: государственный секретарь Дж. Хэй, отвечавший за политику в азиатско-тихоокеанском регионе, скончался 1 июля 1905 г. в разгар вооруженного противостояния России и Японии. Оставшись без ближайшего соратника, Рузвельт был вынужден обсуждать детали подготовки и проведения мирных переговоров исключительно с узким кругом единомышленников (влиятельным сенатором Г. К. Лоджем и дипломатом Г. Уайтом, назначенным в марте 1905 г. послом в Италию). Умышленное сокрытие деталей своей внешнеполитической деятельности от правительства, не говоря уже о средствах массовой информации, позволяло политику тайно вести конфиденциальные переговоры вне обычных дипломатических рамок, понимая, что многоступенчатость в принятии решений огромным штатом бюрократии может обусловить их длительность во времени и явную зависимость от находящейся в динамике международной обстановки.

В силу ряда внешнеполитических факторов, включавших противостояние великих держав в вопросах территориального раздела мира, роль Рузвельта в окончании русско-японской войны оценивается неоднозначно. С разоблачением тайных помыслов, лежавших в основе его «мнимого» миротворчества, неоднократно выступали советские ученые, утверждавшие, что целью политика, являлось стремление, с одной стороны, не допустить расширения влияния России в Китае, а с другой, – «не дать ограбить Японию» [\[2, 3, 4, 5, 6\]](#). В работах современных авторов упор в большей степени сделан на прагматизме политика, намеренно вышедшего за рамки нейтрального посредничества, поскольку ему «нужен был не просто мир, а такой исход, который отвечал бы геополитическим интересам США в Восточной Азии» [\[7, 8, 9, 10\]](#).

В американской литературе, вне зависимости от трактовки той или иной историографической школы, президент Рузвельт изображен в качестве миротворца, без посредничества которого примирение воюющих стран было бы невозможным [\[11, 12, 13, 14, 15\]](#). Так, Р. Пайпс, говоря о его «выдающемся вкладе» в окончание русско-японской войны, утверждал, что «если бы не он, переговоры в Портсмуте, вероятно, потерпели бы неудачу, и война бы продолжалась в течение еще многих месяцев» [\[16, p.103-115\]](#). Рядовые американцы с восторгом воспринимали посредничество Рузвельта, и по призыву газеты "New Herald" собирали средства для создания «бронзовой группы для увековечивания его миротворческой деятельности во время Портсмутских переговоров» [\[17, л. 77\]](#). Сам же политик гордился тем, что его «не постигла обыкновенная участь миротворцев – навлечь на себя недовольство обеих сторон» [\[18, л. 32\]](#).

Чтобы разобраться в обоснованности разнообразных оценок посреднической миссии президента Рузвельта, стоит обратиться к материалам Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), где содержится около 20 дел, в которых детально анализируется механизм его «добрых услуг». В авторской статье, написанной более десятилетия назад, речь шла о роли политика в выработке предварительных условий переговоров между Россией и Японией (получении им статуса официального медиатора и согласия противоборствующих сторон на выбор места и времени их проведения) [\[19, с. 3-41\]](#). Настоящая работа посвящена анализу посреднической миссии Рузвельта во время самой мирной конференции для того, чтобы показать весь набор разнообразных дипломатических средств, используемых им для достижения поставленных целей. Разобраться во всех ее деталях чрезвычайно важно, поскольку современный уровень миропорядка немыслим без учета накопленного опыта мирного урегулирования

региональных конфликтов.

На рубеже XIX-XX вв. феномен миротворчества относился к числу слабо востребованных норм международного права, поскольку государства предпочитали решать спорные вопросы вооруженным, а не мирным путем. Пути к примирению конфликтующих сторон, предусмотренные Гаагской конвенцией 1899 г. «о мирном решении международных столкновений», наталкивались на ограниченность накопленного потенциала в достижении компромисса, а многие из его форм (переговоры, третейский суд и международный арбитраж) применялись редко. Подобные трудности были вызваны тем, что не всякий политик мог и хотел предложить воюющим сторонам свою помощь, немаловажное значение имели субъективные факторы – личность самого человека, его компетентность в международных делах, понимание им целей переговорного процесса и, исходя из этого, нахождение поля совпадающих интересов для участников. И хотя все эти качества были объективно присущи Рузвельту, не они стали его побудительным мотивом. Его посредничество представляло своеобразную попытку войти в мировую политику с «черного входа», получив при этом несомненные экономические и политические дивиденды.

Пацифизм Рузвельта, вошедшего в историю воинственным афоризмом «разговаривай мягко, но держи наготове большую дубинку», объяснялся не абстрактной приверженностью к миролюбию, а весьма прагматичной целью – утвердить статус США как мировой державы в условиях обострившегося соперничества европейских стран в борьбе за источники сырья и рынки сбыта. Если до него политики, действуя в русле доктрины Монро, считали американские интересы сугубо «континентальными», то Рузвельт одним из первых заявил о необходимости раздвинуть рубежи экспансии и заняться освоением азиатско-тихоокеанского региона. И поскольку вооруженные силы страны, находясь в состоянии модернизации после испано-американской войны 1898 г., были не в состоянии конкурировать с ведущими армиями Европы, президент отдал предпочтение превентивной дипломатии.

Анализ ситуации в кризисных регионах мира Рузвельт проводил в контексте сформулированной им теории «баланса сил». Ход его рассуждений, выдержанный в духе социал-дарвинизма, был таков: внешнеполитические отношения – это арена борьбы различных государств, в которой побеждает сильнейший, поэтому естественный порядок в мире, регулируемый посредством силы, находит выражение в распределении сфер влияния между главными игроками мировой политики. И если следовать его теории, то для уравнивания позиций геополитических конкурентов в Восточной Азии требовалось, с одной стороны, не допустить явного усиления России, а с другой, использовать в качестве противовеса Японию, смело бросившую вызов огромной империи. Заключив в октябре 1903 г. американо-китайский торговый договор об исключительных привилегиях в Манчжурии, Белый дом вел двойную игру, тайно поддерживая Японию, но одновременно стремясь умерить ее геополитические аппетиты в интересуемом регионе. Рузвельт не помышлял об исключении России из системы равновесия сил, ибо согласно максимам дипломатии ее ослабление заменило бы российскую угрозу японской, чего США явно не хотели. В беседе с царским послом Р. Р. Розеном он утверждал, что «не Россия, а Япония остается главным соперником Соединенных Штатов в торгово-промышленном отношении, и поэтому чрезмерное усиление Японии, таким образом, не может соответствовать американским интересам» [\[20, л. 3\]](#). Однако Рузвельту при осуществлении собственной прагматической формулы часто мешали эмоции. По словам статс-секретаря С. Ю. Витте, «он хотел мира, но как можно более выгодного для японцев» [\[21, с. 491\]](#).

Но как следовало откорректировать ситуацию в азиатско-тихоокеанском регионе сообразно собственному видению? Единственной возможностью для Рузвельта являлось посредничество в русско-японской войне, но для этого требовалось обращение к нему воюющих стран. Япония первой негласно запросила о его дипломатическом содействии еще летом 1904 г. Для России более предпочтительным считалось посредничество Франции, хотя «добрые услуги» ей предлагали английский король Эдуард VII и немецкий император Вильгельм II. «Заморская» инициатива была в корне отвергнута властвующей элитой России, считавшей, что «не в наших выгодах допускать на Дальний Восток... такого опасного посредника, как Америка» [\[22, л. 45\]](#). Ценой невероятных усилий в мае 1905 г. Рузвельт все же добился согласия Николая II на посредничество, но при условии принятия аналогичного решения Японией. Даже не проинформировав японцев об итогах переговоров, Рузвельт незамедлительно сообщил в Санкт-Петербург о якобы полученном согласии микадо Муцухито [\[23, р. 1221-1223\]](#). Урегулирование дальневосточного конфликта вступило в решающую фазу. Местом мирных переговоров были избраны США.

Русская делегация, возглавляемая статс-секретарем С. Ю. Витте, отплыла в Нью-Йорк 14 (27) июля, куда накануне выехали японские уполномоченные. В тот же день все газеты Санкт-Петербурга вынесли в заголовки сообщение о том, что представители царского правительства отправились «в Америку, чтобы в городе, полном злобы и ненависти к России, заключить наш мир с Японией» [\[17, л. 8\]](#). Ситуацию усугублял факт захвата японцами в конце июля южной части Сахалина, воспринимаемый императором в качестве покушения на целостность Российской империи. Перед отъездом делегации в Вашингтон Николай II написал письмо Рузвельту, в котором выразил уверенность в том, тот «сделает все, что лежит в его компетенции, чтобы удовлетворительно завершить мирные переговоры» [\[24, л. 69\]](#). Сам президент не был уверен в успехе запланированного мероприятия, хотя и утверждал, что «сделал все, что мог. Я привел лошадей к водопою, но только один Господь бог знает, будут ли они пить воду или начнут лягать друг друга» [\[25, р. 398\]](#).

Из разного рода источников становится ясно, что первоначально Рузвельт констатировал «непримиримую противоположность» позиций воюющих стран [\[21, с. 478\]](#). Под влиянием военных успехов Японии и поражений русской армии у него сложилось убеждение, что достижение перемирия возможно исключительно за счет территориальных потерь со стороны России. По его словам, «триумф Японии является полным и подавляющим, поэтому ей дано право требовать весьма значительные уступки в качестве цены за подписание мира» [\[23, р. 1253\]](#). В воображении президента рисовались два сценария развития событий – либо захват японцами всего тихоокеанского побережья, либо их прочное закрепление в Манчжурии и Корее. Что же касается России, то ее, по всей видимости, ожидало «скорейшее заключение мира, хотя бы на тяжелых условиях», так как, в противном случае, она могла бы потерять всю Сибирь из-за совершенно безнадёжного положения на театре военных действий [\[26, р. 188\]](#). Однако в своих расчетах Рузвельт упускал одну немаловажную деталь: Япония была далека от окончательной победы, а Россия войну не проиграла.

Прибывший в Нью-Йорк новый российский посол Р.Р. Розен, ранее являвшийся посланником в Токио (1897-1899), был незамедлительно принят Рузвельтом в летней резиденции, расположенной на берегу Устричной бухты в деревушке Ойстер-бей. Стремясь создать у царского посла преувеличенное представление о способности японской армии вести наступательные действия, политик намеренно вводил его в

заблуждение относительно неограниченных ресурсов противника. Так, в ходе обсуждения будущей повестки переговоров Рузвельт заявил, что ему ничего не известно об условиях, которые японцы готовы предъявить русской делегации, но он всячески старается «склонить их к умеренности в своих требованиях» [27, л. 4]. Розен ему не поверил. Сохранив связи с рядом японских чиновников, он из первых рук знал, что Япония на тот момент не располагает «никакими средствами, которые дали бы ей возможность вынудить Россию к заключению мира и к уплате военной контрибуции, если бы Россия предпочла от этого уклониться и решила продолжать, хотя бы пассивное сопротивление. Между тем, только скорейшее закрепление мирным трактатом уже достигнутых успехов и сложение на русские плечи бремени уже понесённых Японией громадных военных издержек могло бы обратить в полное торжество японской политики...» [20, л. 4-5].

Конечно, Рузвельт лукавил, пытаясь дезинформировать царского посла. Планы японцев ему были известны: он трижды в июле, судя по рабочему графику, встречался со специальным посланником японского правительства К. Тахакира и один раз с японским министром иностранных дел К. Канеко, бывшим сокурсником по Гарвардскому университету. В центре их внимания было устранение территориальных споров на Дальнем Востоке. Итогом проведенных консультаций стало заключение 27 июля между японским премьер-министром Д. Кацура и У. Тафтом, выступавшим в качестве личного представителя президента Рузвельта, устного «джентельменского» соглашения, признававшего права Японии на Корею в обмен на гарантии безопасности США на Филиппинах. Тем самым, без каких-либо консультаций с Россией, пытавшейся защитить суверенитет соседней небольшой страны, судьба Кореи была предрешена задолго до принятия окончательных условий мирного договора [28, с. 113-134].

Перед прибытием российской делегации Рузвельт вновь встретился с Розеном, понимая, что любые переговоры всегда начинаются с прояснения позиций конфликтующих сторон и поиска точек соприкосновения между ними. И хотя президент жаловался, что японцы не посвящают его в свои планы, из контекста двухчасовой беседы посол догадался, «что он знает или считает вероятным, что японцы будут настаивать на уступке Сахалина и на контрибуции». Из японских источников до него доходили слухи не только о желаемом объеме компенсации в 1,2 млрд иен, но и намерении предъявить «прямо свои основные требования и обусловить продолжение переговоров предварительным принятием таковых» [27, л. 61]. «Не подлежит сомнению, – телеграфировал Розен в Санкт-Петербург, – что помимо удовлетворения национального самолюбия и территориальных приобретений, Япония, прежде всего, нуждается в возможности взвалить на русские плечи бремя громадной, вызванной войной, задолженности». Прощаясь с послом, Рузвельт заявил о готовности встретиться с ним вновь в неофициальной обстановке, как и со статс-секретарем Витте, который сразу же после приезда в Америку был приглашен «позавтракать у него запросто» [29, л. 26].

О требованиях русской делегации Рузвельт был заранее осведомлен. Статс-секретарь Витте, остановившись в Париже, на полпути к Америке, отверг рекомендации французов о заключении мира на японских условиях. Он помнил напутствие, сделанное перед его отъездом министром иностранных дел В. Н. Ламздорфом, утверждавшим, что «Россия далека от мысли заключить мир, во что бы то ни стало. Самые благие ее намерения могут рушиться, если Япония, упоенная успехами, задумает поставить в Портсмуте условия, несовместимые с ее достоинством, как великой Державы» [30, л. 56]. Очередная инструкция, полученная Витте во время морского вояжа, еще раз уточняла два

«совершенно неприемлемых условия» для царского правительства, касавшихся недопустимости уплаты контрибуции и уступки Сахалина [\[27, л. 57\]](#). Подтвердив готовность следовать полученному указанию, высокопоставленный сановник все же отметил уязвимость позиции русской делегации из-за «самого неблагоприятного факта, что Сахалин в руках японцев» [\[27, л. 66\]](#).

Тем временем 19 июля (1 августа) Витте, подплывая к Нью-Йорку на борту немецкого парохода «Kaiser Wilhelm der Grosse», дал интервью зарубежным журналистам. В нем он заявил: «Уступая желанию американского народа, коих Президент является представителем, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР уполномочил меня приехать сюда, дабы осведомиться о тех условиях, которые наш храбрый противник считает необходимым, как основание для международных переговоров». Говоря о предстоящей повестке дня, Витте отметил, что «японские условия должны быть выяснены, взвешены и признанными приемлемыми, прежде чем будет возможно приступить к формальным переговорам» [\[31, л. 21\]](#). Тем самым, он намекнул на некую «красную черту», которую нельзя было переступать. Речь шла об исключении из совместного обсуждения положений об «1) уступке какой либо части русской территории; 2) уплате военной контрибуции; 3) изъятии из нашего ведения северной маньчжурской железнодорожной магистрали, ведущей во Владивосток; 4) уничтожении флота в Тихом океане» [\[31, л. 6\]](#).

Интервью главного уполномоченного по ведению переговоров с Японией произвело отрезвляющее впечатление на американскую публику, уверенной в том, что «России необходим мир, во что бы то ни стало, на каких бы то ни было условиях» [\[20, л. 10\]](#). Ознакомившись с жесткой позицией царского правительства, Рузвельт засомневался в успехе предстоящих переговоров. В письме к редактору лондонской газеты "Spectator" он отметил, что «шансы на мир неблагоприятны» [\[25, р. 401\]](#). До прибытия русской делегации он все же попытался уточнить позицию японцев, пригласив барона Комура 14 (27) июля в Ойстер-бей. Тот показал Рузвельту список требований, которые его полностью удовлетворили. Единственную трудность он видел только в условиях получения Японии военной контрибуции [\[5, с. 357\]](#).

Русская делегация прибыла в Нью-Йорк неделей позже японцев – 20 июля (2 августа). Через день Витте, которого называли в американской прессе не иначе как «царский посланник мира», посетил загородный дом Рузвельта. Данная неформальная встреча, длившаяся около двух часов, была важна, прежде всего, для самого президента, услышавшего из первых уст «ясное и категорическое изложение русской точки зрения». Витте озвучил ее главные положения, заявив, что «1) мы не побеждены, а потому не можем признать никаких условий, не соответствующих нашему положению, а, следовательно, прежде всего, не согласимся ни на какую контрибуцию; 2) Великая Россия никогда не согласится на, какие бы то ни было, условия, задевавшие честь..., а если японцы не станут ныне на нашу точку зрения, то мы будем вести оборонительную войну до последней крайности и увидим, кто дольше выдержит». Сначала президент был весьма категоричен в оценках, считая, что «в интересах обеих воюющих сторон следует теперь окончить войну, потому если этого нельзя достигнуть без контрибуции, то ее следует уплатить». В ходе острой дискуссии с Витте он был вынужден признать, что из-за беспрецедентного расхождения во взглядах русских и японских уполномоченных «очень мало надежды на мирный договор» [\[27, л. 71-72\]](#). Тем не менее, было ясно, что от нахождения общих точек соприкосновения в позициях воюющих держав зависит общая расстановка сил в азиатско-тихоокеанском регионе.

Для сглаживания острых углов и предотвращения потенциально конфликтных ситуаций Рузвельт многое сделал для создания комфортной среды, максимально приспособленной для работы участников переговорного процесса. В преддверии ожесточенных баталлий Белый дом с тщательностью разработал сценарий официальных мероприятий и дружеских ужинов. Первым из них стало представление уполномоченных обеих стран друг другу, организуемое под началом помощника государственного секретаря Г. Пирса. Замысел церемониальной встречи состоял в том, чтобы члены русской и японской делегаций никоим образом не могли встретиться раньше. С этой целью их разместили в разных гостиницах Нью-Йорка, а в назначенный день отправили на встречу с президентом, с перерывом в полчаса.

25 июля (7 августа) согласно установленному военно-морскому церемониалу японцы ровно в 9 часов утра выехали из гостиницы на пристань, откуда на судне «Такома» отправились на встречу с президентом. Через полчаса вслед за ними отплыли русские делегаты на крейсере «Чаттануга». Получив известие о прибытии уполномоченных обеих стран на пристань городка Сагамор-Хилл, близи которого располагалась его летняя резиденция, президент вступил на палубу собственной яхты «Мэйфлауэр». Тотчас же на ней взвился президентский флаг и прогремел 21-пушечный салют, приглашавший иностранных гостей принять участие в торжественном приеме. Их поименное представление произошло на борту яхты. Сначала президент познакомил присутствовавших с главами русской и японской делегаций – статс-секретарем С. Ю. Витте и японским министром иностранных дел Ю. Комура, а затем Пирс поименно представил остальных уполномоченных. Японцы чинно прошли вдоль ряда выстроившихся русских делегатов, последовательно пожимая руку каждому из них.

После краткого знакомства президент пригласил участников будущих переговоров на фуршет в кают-компанию, где на большом круглом столе были установлены всевозможные блюда и напитки. Когда было подано шампанское, президент произнес громким голосом следующие слова: «Господа, я предлагаю тост, на который не будет никакого ответа, и который я прошу вас выслушать молча и стоя. Я пью за благоденствие и преуспевание государств и народов двух великих стран, коих Представители встретились на этом корабле. Самая серьезная моя надежда и молитва в интересах не только этих двух великих Держав, но и всего человечества, состоит в том, чтобы между ними был безотлагательно заключен справедливый и прочный мир» [\[31, л. 30\]](#). Тожеественный прием делегаций проходил в жаркую солнечную погоду, поэтому жители окрестных деревень приветствовали президентский корабль восторженными криками, размахивая заранее принесенными флагами воюющих стран. Словом, это был настоящий праздник для американцев, поскольку, по словам российского дипломата А. Г. Плансона, «две великие враждующие Державы пришли мириться на их территории, по приглашению их Президента и под его эгидой» [\[31, л. 21, 31\]](#).

Место пребывания уполномоченных располагалось в Портсмуте, представлявшим военно-морскую верфь в северо-восточной части США. Маленький курортный городок был выбран по инициативе губернатора Нью-Гэмпшира Дж. Маклейна, убедившего Белый дом в том, что на вверенной ему территории есть «соответствующие условия для переговоров и полностью исключаются любые неожиданные помехи» [\[23, р. 1226\]](#). Местные жители с нетерпением ждали высоких гостей, согласившихся сесть за стол переговоров в их приморском городке: верфь чистилась, дома красились, военных пехотинцев одели в парадную форму, пушки для церемониальных залпов были до блеска начищены, флаги трех стран вывешены на домах, а военные оркестры готовили

репертуар для почетных гостей [\[32, л. 46; 48\]](#). Провинциальная Америка замерла в предвкушение самого важного события в своей истории.

Расположенный на берегу Атлантического океана, Портсмут был небольшим по сравнению с другими населенными пунктами штата, а численность работавшего на военно-морском арсенале населения не превышала 11 тыс. чел. Соответствующих зданий для проведения мероприятия столь высокого ранга в нем не было, поэтому уполномоченных разместили в деревянной четырехэтажной гостинице «Wentworth», находившейся недалеко от города. Рядовым членам делегации выделили по одноместному номеру, а для их руководителей – блок, состоящий из двух маленьких комнат и каморки для камердинера [\[21, с. 481\]](#). Если вопрос с гостиницей был худо-бедно решен, то поиск пригодного помещения для заседаний делегатов занял достаточно продолжительное время. В конечном счете, было решено приспособить для этой цели только что отстроенное здание склада, в котором рабочие возвели перегородки, поделив его на зал для конференции и рабочие комнаты для делегаций. Убогость внутреннего интерьера несколько сглаживала мебель из красного дерева, сделанная по образцу одного из кабинетов Белого дома.

Избрание столь скромного места для международной конференции во многом нарушало каноны принятого в Европе дипломатического этикета, поскольку мероприятию столь высокого ранга в большей степени соответствовал, как минимум, замок вельможи или дворец царя. Общее негативное впечатление от постройки скрашивали созданные для членов делегации комфортные условия для труда и отдыха. В рабочих комнатах были установлены столы с канцелярскими принадлежностями и пишущими машинками, электрические веера обеспечивали приток свежего воздуха в помещение, а в распоряжении каждой делегации находился телеграф. Для нужд конференции были припасены вина и крепкие напитки, доставленные на трех грузовиках. От гостиницы до места проведения конференции было 9 км по грунтовой дороге (для преодоления этого расстояния экипажу требовался час, а автомобилю – полчаса), поэтому для транспортировки людей было выделено пять автомобилей и один открытый электромобиль.

Проведению слушаний в ходе конференции мешал сильный шум, исходящий от находившихся рядом мастерских, складов и учреждений морского ведомства, работа в которых сопровождалась шипением паровых машин, звуком цепей от подъёмных кранов, ударами молотов о железо, металлическим шумом при разгрузке и т.д. Несмотря на жару, окна помещений были тщательно закрыты для того, чтобы можно было разобрать смысл речей выступавших уполномоченных.

В здании, где шли переговоры, был введен пропускной режим: 25 морских пехотинцев под руководством двух сержантов и 6 капралов дотошно досматривали каждого посетителя и проверяли подлинность документа о допуске в помещение [\[33\]](#). Службой безопасности, возглавляемой контр-адмиралом У. Мидом, были приняты меры к ограничению присутствия прессы в городе. Однако после известия о предстоящих переговорах туда устремились сотни журналистов и фотографов, при этом большая их часть поселилась в гостинице, в которой ранее разместились члены обеих делегаций. Вскоре выяснилось, что даже при столь строгой охране уполномоченные оказались под полным надзором тучи корреспондентов, при этом под особым прицелом прессы находились главы делегаций, у дверей которых по очереди дежурили журналисты. «Все что им удавалось подметить, услышать или подслушать – тотчас же печаталось в газетах» [\[31, л. 36\]](#).

В городе из-за военного предназначения верфи имелась лучшая по тем временам телеграфная и телефонная связь, представлявшая собственность компании «Western Union». По инициативе военного командования ее подвели к зданию гостиницы, передав в распоряжение Пирса. Наличие разветвленной системы связи помогало Рузвельту быть в курсе переговоров и сразу же узнавать обо всех перипетиях, имевших место в ходе заседаний. Конечно, не стоит думать, что он лично читал сообщения глав делегаций, но даже из сугубо официальных данных, например, количества отправленных телеграмм, можно было извлечь немало сведений о том, кто и когда их посылал, каков их объем и количество запросов. Так, члены русской делегации были осведомлены в том, что «японцы получают и дают массу телеграмм в Лондон» [\[34, л. 112\]](#). Понятно, что любой проницательный и умный человек, каким и являлся Рузвельт, мог из перечня получаемых и отсылаемых посланий судить о накале атмосферы на переговорах и в той или иной степени контролировать их ход.

Немаловажным достоинством Портсмута являлась его близость к летней резиденции президента, поэтому члены делегаций попеременно бывали у него в гостях. Их транспортировка осуществлялась морским путем, для чего использовались быстроходный пароход «Дельфин», укомплектованный штатом из 25 моряков, а также президентская яхта «Мэйфлауэр», на которой японские матросы во избежание недоразумений были заменены китайцами. Для повседневных нужд участников конференции было задействовано 4 военных катера, над которыми попеременно развивался тот или иной национальный флаг, поскольку главы делегаций имели временный статус послов иностранных держав. В распоряжении русской делегации был откомандирован Э. Пирсон, секретарь штата Нью-Гэмпшир, готовый выполнять «в любое время любую работу в пределах возможностей, как официального, так и личного порядка» [\[30, л. 52\]](#).

Официальные переговоры начались 27 июля (9 августа), когда обе делегации на яхтах прибыли из гостиницы в Портсмут, где их встречали контр-адмирал Мид и секретарь штата Пирсон. При подходе судов к пристани был произведен пушечный салют, сопровождавшийся показательной стрельбой морских пехотинцев, после чего последовал торжественный фуршет для высоких гостей. Кorteж японских и русских уполномоченных в сопровождении многочисленной свиты официальных лиц проследовал по улицам Портсмута, заполненным шпалерами войск и толпами многочисленных зевак. Началась трехнедельная дипломатическая битва, за которой следил весь мир.

С самого начала стороны условились, что заседания конференции будут проходить ежедневно (с 9.30 до 12.00, а после перерыва – с 15.00 до 17.30). Официальным языком переговоров был объявлен французский, наряду с частичным использованием английского и русского языков, поэтому Витте говорил на французском, а Комура – на английском языке. После каждого заседания оформлялись краткие протоколы дебатов, на основе которых готовились совместные заявления для общественности [\[27, л. 81\]](#). Процедура публикации прений, проходившая после каждого заседания, осуществлялась по инициативе Витте, считавшего, что «переговоры должны быть доступны прессе, ... могли бы во всякую минуту быть обнародованы для всеобщего сведения» [\[34, л. 10\]](#).

28 июля (10 августа) японцы представили обширный перечень требований из 12 пунктов, многие из которых, по мнению русских уполномоченных, выходили за пределы возможного. Японские претензии были поделены по степени важности на два блока: в первом говорилось о возвращении Китаю Манчжурии, признании за Японией Кореи, Сахалина, Порт-Артура, Ляодунского полуострова, а также южной ветки Китайско-Восточной железной дороги и возмещении военных убытков в размере 1,2 млрд. иен, а

во втором – речь шла о выдаче Японии русских судов, укрывшихся в нейтральных водах, разрешении ловли рыбы у русского побережья Тихого океана и ограничении права России держать флот на Дальнем Востоке. В ответ Витте дал понять японцам, что Россия не пойдет ни на какие компромиссы, умаляющие ее суверенитет, поскольку среди присутствовавших «нет победителей, а потому и нет побежденных». Сам он «держал себя на публике так, как будто с Россией приключилось в Манчжурии небольшое несчастье, и только» [\[21, с. 477\]](#).

Условия мира, выдвинутые японскими уполномоченными, были немедленно переданы в Санкт-Петербург. Реакция царского правительства на «чрезмерные притязания» японцев была предсказуема. Николай II, заявив, что «Богом вверенный Ему народ не остановится ни перед какими жертвами для защиты чести и достоинства дорогой Родины, ВЫСОЧАЙШЕ повелевал своим уполномоченным прекратить дальнейшее обсуждение условий мира» [\[34, л. 1-2\]](#). Для разъяснения собственной позиции он приказал подготовить телеграмму на имя Рузвельта, в которой говорилось об искренней поддержке выдвинутого им «предложения, имевшее высокую цель ... упрочить мир для блага всего света». Однако для императора было важно за столбить следующий посыл: «Не Россия нарушила мир. Вслед за внезапным нападением на Порт-Артурскую эскадру, она была вынуждена взяться за оружие. 18-тысячная армия не истощила ее силы, и Россия, не считая себя побежденной, конечно не могла принять предъявленные ей условия». Исходя из этого, он просил Рузвельта рассудить по справедливости, на кого – «Россию или Японию, должна пасть нравственная ответственность за последствия неудачного исхода переговоров, возбужденных по Вашему личному почину на гостеприимной американской территории» [\[34, л. 3\]](#).

В Портсмуте возникла нестандартная ситуация, грозящая провалом только что открывшейся конференции. Объясняя ее причины, Витте заявлял, что «между воззрениями обеих сторон лежит пропасть, посему можно думать, что постепенно к такому заключению пришел и Рузвельт» [\[27, л. 113\]](#). Однако в полученной им 29 июля (11 августа) правительственной телеграмме отмечалось, что предъявленные японцами требования «едва ли следует рассматривать, как окончательные», надо выждать момент [\[34, л. 96\]](#). И действительно, срыв конференции не входил в намерение президента, на которого могли посыпаться обвинения в провале переговоров из-за неуступчивости японцев. Рузвельт незамедлительно встретился с Витте 31 июля (13 августа) для обсуждения стратегии дальнейших действий. Он порекомендовал ему «сначала говорить по вопросам, где соглашение достижимо, а затем уже перейти к вопросам, по которым трудно ожидать соглашения». И хотя Вите счел предложенный план действий «потерей времени», он все же согласился принять «всякий способ обсуждения, дабы не дать повода возводить на Россию причину продолжения войны». Удивительно, но обсуждение статей постатейно, откладывая наиболее спорные из них в сторону, позволило уполномоченным обеих стран принять согласованные решения по вопросам о контроле Японии над Кореей и политике «открытых дверей» в Манчжурии, из-за которых по существу и началась война. Правда, сам Витте терялся в догадках, думая о том, «не говорил ли Президент японцам то же самое, что и мне, и не потому ли они покуда избегают касаться вопросов, где разногласие очевидно» [\[27, л. 124\]](#).

Сообщая министру иностранных дел Ламздорфу детали беседы с Рузвельтом, Витте обратил внимание на высказанную им «мысль о желательности, во всяком случае, не закрывать окончательно двери для переговоров». Размышляя об этой небрежно брошенной президентом фразе, он счел важным «найти такую форму, при которой новая

конференция могла бы состояться вне зависимости от инициативы одной из сторон». В частности, статс-секретарь был готов предложить японцам «собраться через определенный промежуток времени в определенном пункте, например, через полгода в Гааге», или напрямую обратиться к Рузвельту «о представлении ему собрать снова конференцию, если по ходу событий он признает сие нужным и в том месте, которое он выберет» [34, л. 17]. Правда, сам Витте не был уверен в том, что Рузвельт возьмет «на себя по собственному почину впоследствии инициативу созыва второй конференции», поскольку считал, что «вторичная конференция, если бы стороны ее пожелали, могла состояться без его непосредственной инициативы» [34, л. 28]. Искушенный в дипломатии Ламздорф не исключал вероятности, что «сам президент, поставленный своевременно в известность обо всем ходе дела, приложит все старания к тому, чтобы оставить двери открытыми для своевременного возобновления переговоров» [20, л. 21]. В конечном счете, политическое чутье министра иностранных дел его не подвело.

В ходе первых восьми заседаний конференции уполномоченным удалось прийти к единой точке зрения по 8 из 12 пунктов. Речь шла об удовлетворении претензий Японии в отношении Кореи, эвакуации российских войск из Маньчжурии, передачи части КВЖД, концессии на добычу полезных ископаемых. Переговоры застопорились 5 (18) августа, когда не удалось «сговориться» по 4 пунктам, включая такие уступки Японии, как передачу острова Сахалин, выдачу русских военных судов, интернированных в нейтральных портах, ограничении морских сил императорского флота на Дальнем Востоке и возмещении военных издержек [35, л. 12]. Работа конференции оказалась вновь под угрозой срыва.

Патовую ситуацию неожиданно разрушил глава японской делегации Комура. Заявив о желании сделать особое заявление в ходе очередного заседания, он написал на клочке бумаги несколько фраз по-английски и передал его Витте. Суть предложенной им комбинации заключалась в отказе Японии от ограничения военно-морской деятельности России и выдаче интернированных кораблей противника при условии, что «русские уполномоченные, в свою очередь, согласятся рассмотреть в примирительном духе вопросы об уступке Сахалина и возмещении военных расходов» [31, л. 135]. Однако предложенный японцами план примирения, являвшийся итогом консультаций Рузвельта с Канеко, был признан неприемлемым. Витте, заявив, что «если бы Россия была окончательно разбита, что было лишь в том случае, если бы японские войска пришли в Москву, то тогда только мы сочли бы естественным возбуждение вопроса о контрибуции» [31, л. 117].

Перспективы мира обрели новое измерение после дополнительной встречи главы японской делегации Комуры с Витте. Он сообщил о готовности японцев отказаться не только от ранее согласованных требований, но и пойти на раздел острова Сахалин по 50-му градусу северной широты с сохранением за собой оккупированной южной части, за что царское правительство должно выплатить компенсацию в размере 1,2 млрд иен. Получение денежного вознаграждения, увязанного в тугой узел с аннексией Сахалина, имело для японского правительства первостепенное значение, так как его задолженность Англии и США составляла в общей сложности 410 млн долл. [3, с. 148-149]. Ответ Витте был вполне предсказуемым. По его словам, «на сумму, указанную японцами нам представляется невозможно согласиться, так как это равносильно уплате военных расходов» [34, л. 66-68].

Русские уполномоченные, вынужденные прервать работу конференции, запросили новых

инструкций из Санкт-Петербурга. В ходе проведенных царем консультаций с министрами и членами монаршей семьи японские требования были признаны абсолютно «неприемлемыми» [20, л. 32]. Рассуждая о главной загвоздке, возникшей в ходе переговоров, Витте рассуждал следующим образом: «Вопрос об уплате военного вознаграждения особенно важен, как, с точки зрения достоинства России, так и с точки зрения наших самых существенных интересов.... Вопрос о Сахалине крайне важен, так как эта территория, бывшая в нашем владении, может представить большие богатства и служить аванпостом Амура... Главное же несчастье наше, что Сахалин – в руках японцев...». Исходя из сложившейся ситуации, он считал возможным передачу японцам острова, но без денежной компенсации. Ценой территориальной уступки статс-секретарь намеревался достичь прекращения войны, чтобы использовать армию для наведения порядка в революционной России [36, с. 32-34]. Разъясняя точку зрения, Витте ссылался на раскол в общественном мнении США, где требование об уплате военных расходов считалось необоснованным, а в отношении оккупированного японцами Сахалина – вполне допустимым. Сам же он полагал, что «продолжение войны будет величайшим бедствием для России» [34, л. 60]. Ограниченный в свободе действий жесткими правительственными инструкциями, Витте пошел на редкий в дипломатической практике шаг, объявив о решении показать Комуре содержание всех телеграмм, полученных от царского правительства.

Уполномоченные обеих делегаций затаились в томительном ожидании новостей из Санкт-Петербурга. Размышляя о перспективах переговорного процесса, Витте был убежден, что «президент не примет на себя вновь по собственному почину инициативы в созвании нарушенной конференции» [34, л. 52]. Его мнение не разделял министр иностранных дел Ламздорф, утверждавший, что, хотя переговоры зашли в тупик, сохраняется возможность их возобновления в будущем. Он считал, что «нет препятствий к тому, чтобы при прощании с Рузвельтом, выражая ему благодарность, уполномоченные обеих сторон заявили Президенту, даже письменно, о своей готовности вновь собраться на совещание, если Президент со временем возьмет на себя сделать такое предложение» [34, л. 54]. Полученный вскоре ответ Николая II свидетельствовал о том, что, несмотря на уступки со стороны Японии и увещевания Рузвельта, он остался при собственном мнении. По его словам, «в сущности, японцы перетасовывают свои требования: отдача половины Сахалина и уплата такой огромной суммы за северную часть – несколько не меняют моего основного взгляда – ни пяди земли, ни рубля контрибуции, или возмещения военных издержек, что одно и то же» [34, л. 65]. Вынесенный им вердикт ставил крест на дальнейшей работе конференции. Русская делегация в ожидании инструкций об отъезде паковала чемоданы, а Витте пытался договориться с японцами о совместном обращении к президенту с просьбой «собрать новую конференцию, чтобы окончательно не закрывать двери» [34, л. 66].

В возникшую внештатную ситуацию вмешался Рузвельт, рассматривавший русско-японские переговоры как редкую возможность укрепить позиции страны в мировом масштабе. Поздней ночью 5 (18) августа к Витте явился Пирс с просьбой спешно прислать к нему барона Розена, чтобы передать царю конфиденциальное послание президента [34, л. 70]. Тот немедленно отбыл в Ойстер-бей, предварительно выяснив, что днем ранее президент беседовал с Канеко, но окончательного решения выработано не было. Из контекста двухчасовой беседы с Рузвельтом российскому дипломату стало ясно, что тому ничего не известно о предложенном японцами разделе острова Сахалин, поэтому смысл его идеи, направленной на уравнивание сил противников, представлял

худший вариант дальнейшего развития событий. По его словам, «если бы из четырех пунктов, по которым соглашение не могло состояться, выключены были три, а именно 10-й и 11-й посредством отказа от них японцев, и 5-й – посредством уступки японцам Сахалина, который уже находится фактически во владении их, ... то остался бы лишь пункт 9 о возмещении военных издержек» [31, л. 137]. Рузвельт утверждал, в случае реализации предложенного им плана, почетный мир между воюющими странами можно было бы заключить уже в тот же день. Что же касается спорных положений, то он предлагал передать их на рассмотрение двум доверенным лицам, представлявшим интересы воюющих сторон с тем, чтобы они не спеша выработали мотивированное заключение. Его процедура должна была занять «немало времени, в течение которого, по замыслу Рузвельта, страсти между воюющими странами могли ослабеть, поэтому Япония едва ли решилась на продолжение войны из-за одного о «денежного вопроса». Это был один из первых примеров ставшего популярным в преддверии Первой мировой войны так называемого «охлаждающего» арбитража», получившего воплощение в виде двусторонних пактов «примирения».

Президент убеждал Розена уступить японцам, ссылаясь в качестве аргумента на захват ими Сахалина, который невозможно отвоевать в ближайшее время. В качестве наглядного примера он упомянул длительное присутствие американских войск в одной из латиноамериканских стран: «Мы (американцы) тоже сидим в Панаме и не уйдем». Упомянутый им внешнеполитический казус не впечатлил Розена, который заявил, что «Япония – не Америка, а мы – не Колумбия» [31, л. 138]. Однако Рузвельт все же просил царского посла передать содержание его замысла императору, упомянув при этом, что вряд ли стоит рассматривать данную инициативу «как исходящее от Президента Соединённых Штатов предложение, а лишь как мысль, высказанную в частной беседе» [34, л. 74].

Анализируя в деталях президентский замысел, Витте усмотрел в нем рациональную основу для взаимных уступок. После срыва конференции, «когда все узнают, что происходило на ней, то миролюбивое общественное мнение признает, что Россия была права, отвергнув военное вознаграждение, но не станет на нашу сторону по вопросу о Сахалине» [31, л. 79], – утверждал он. Его соображения разделял и министр Ламздорф, призывавший царя определиться, следует ли «продолжить попытки к возможному соглашению с Японией без ущерба для России или, прервав совещание, и с новой энергией приступить к дальнейшей борьбе». Министр считал, что следует «отвергнуть всякие переговоры с Японией, лишь при условии полной уверенности, что армия, командуемая генералом Линевичем, может сломить врага» [35, л. 5]. Американские карикатуры изображали русских уполномоченных, сидящих за столом переговоров в ожидании хороших вестей из Манчжурии, на фоне которой проступал силуэт главнокомандующего вооруженными силами России [31, л. 149]. Их надежды не были напрасными: к концу лета русская армия, нарастив преимущество в техническом обеспечении и живой силе (за счет прибавления двух армейских корпусов), стала значительно сильнее японской. Возможно, этим обстоятельством объяснялась непреклонность царя, считавшего, что «Японии до зарезу нужны деньги, мы их ей не дадим, и в этом мы никогда не сойдемся» [34, л. 74].

Выход из тупиковой ситуации опять-таки был найден Рузвельтом. Вечером 8 (21) августа к Витте явился Пирс, сообщивший о телеграмме президента, предназначенной, как для статс-секретаря, так и российского императора [34, л. 80]. В ней сообщалось, что японцы после беседы с Рузвельтом согласились снять два оскорбительных для России

положения, но при условии передачи им южной половины острова Сахалин и выплаты «адекватной» суммы компенсации. Рузвельт был убежден, что мир можно заключить при наличии принципиального согласия царского правительства заплатить некую сумму, а ее величина могла стать предметом следующих переговоров. «Если мир не будет установлен сейчас и война продолжится, может вполне случиться так, что хотя это и ляжет суровым финансовым бременем на Японию, для России все же окончится потерей провинций Восточной Сибири, которые основывались на протяжении трех веков, благодаря героизму ее сынов» [\[34, л. 94-96\]](#), – утверждал он. Уговаривая правительства воюющих стран пойти на взаимные уступки, президент в поисках компромисса выработал некую формулу успеха. Зная о категорическом отказе России платить контрибуцию, он неоднократно говорил японцам: «Если бы вы... были бы уже в Москве, то претензии войны были бы справедливы; допустим, что вы возьмете Сибирь через год, потеряв еще 200 тысяч человек и получив миллиард иен, а потом? Вы сами не будете знать, что потом и поэтому советую вам уступить» [\[17, л. 148\]](#). В отношении России применялись сходные меры психологического давления в виде навязывания идеи о скрытой контрибуции, а именно «выкупа северной части Сахалина за денежное вознаграждение в благоразумных размерах» [\[35, л. 8\]](#).

Письмо Рузвельта заставило Витте повременить с окончанием переговоров, принимая во внимание, что Япония сняла большую часть унижительных для России требований. Однако в размышлениях политика его удивила одна деталь: «президент в своей телеграмме, высказывая свои мнения, как бы предпрещает, что он считает справедливым, а что несправедливым, а потому, во всяком случае, телеграмма ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА должна будет принять во внимание этот факт». Исполняя просьбу Рузвельта, Витте незамедлительно переслал его послание в Санкт-Петербург, сопроводив собственным комментарием. По его мнению, «предложения эти не могут быть приняты самосознанием России, потому что, в сущности, в них содержится под иной формой уплата Японии, если не всех, то большей части военных издержек. Россия на это не согласится также, как не может признать себя побеждённой» [\[34, л. 93\]](#).

Николай II был настроен скептически в отношении вестей, пришедших из-за океана. В подготовленном проекте секретной телеграммы на имя Рузвельта он утверждал, что «готов бы согласиться на принятие какого-либо соответственного достоинству России выхода из возникших при переговорах затруднений, но требования японских уполномоченных не дали надежды на возможность найти подходящую комбинацию». Демарш японцев, с его точки зрения, содержал одно «неудачно скрытое условие – уплаты все той же, но под другую форму, военной контрибуции». Выход из создавшегося положения он усматривал в прекращении переговоров, поскольку «при таких условиях дальнейшее обсуждение совершенно неприемлемой уступки Сахалина само собой отпадает. Рузвельта он просил только об одном – «поставить дело так, чтобы вина за прекращение совещаний пала исключительно на Японию» [\[34, л. 89, 101-102\]](#). О принятом решении царь объявил американскому послу Мейеру лично во время аудиенции 10 (23) августа [\[34, л. 125\]](#).

На следующий день неугомонный Рузвельт оправил Витте новую депешу, в которой обвинил его в том, что тот «неточно» истолковал содержание переданного императору послания, уточнив, что речь шла не о возмещении военных издержек, а выкупе территории. Принимая во внимание в качестве свершившегося факта невозможность для России бороться в данный момент за возврат всего острова Сахалин, он предлагал принять предложение японцев о продаже им части за «известную сумму». Подталкивая

царское правительство к безотлагательному заключению мира, Рузвельт пугал императора возможностью новых побед Японии на полях сражений и соответственно страшными бедствиями для России, после чего ему «было бы очень тяжело взять на себя ответственность за этот отказ при возможности для России заключить справедливый и почетный мир» [\[34, л. 114\]](#).

Одновременно президент старался воздействовать на общественное мнение, организовав утечку конфиденциальной информации в прессу. Рядовые американцы, превознося своего президента за благородное стремление помирить враждующие народы, не понимали, почему русские так упорно торгуются с японцами, предпочитая уплате денежной суммы непредсказуемые по исходу военные сражения. Они вопрошали, «не выгоднее ли плюнуть и заплатить, чем просудить все состояние». Многие из них говорили: «Вы, русские, ужасно любите теории и принципы, тогда как в политике самое главное – практические результаты» [\[17, л. 12\]](#). Многочисленные карикатуры изображали Рузвельта, то в виде голубя, несущего оливковую ветвь мира, то некоего великана, держащего одной рукой за ухо графа Витте, а другой – барона Комура, изображенных в виде обиженных шалунов, которых насильно заставляют мириться. Президент часто представлялся «в виде смелого охотника, который вцепился в громадного медведя, скачущего по направлению к пропасти и удерживаемого на самом краю бездны». Общественное мнение в США было полностью на стороне президента, советовавшего царскому правительству «заплатить контрибуцию, лишь бы прекратить войну» [\[31, л. 148\]](#).

Жесткая позиция Николая II, упрямо гнувшего свою линию, не соответствовала замыслам Рузвельта, который не мог допустить провала переговоров, воспринимая подобную гипотетическую возможность как крах личной дипломатии. По его инициативе в ход были пущены неофициальные контакты, способствовавшие, как правило, дегуманизации конфликта и облегчавшие взаимопонимание между людьми. После десяти дней безрезультативной работы конференции для уполномоченных была организована серия светских раутов, которые демонстрировали решимость властей Нью-Гэмпшира сделать все, что в их силах, для установления мира между Россией и Японией. Одно из первых мероприятий подобного рода стало приглашение обеих делегаций в знаменитый спортивный клуб, где некоторые из уполномоченных проявили высокое мастерство игры в пул и бильярд. Затем последовала вечеринка на борту авианосца вместе с местными политиками и знаменитостями. Ее сменила экскурсия на крупнейший в мире текстильный комплекс "Amoskeag Mills". Затем в ход пошли званые ужины в знаменитом саду "Greek Farm", украшенном русскими и японскими флагами, посещение менестрелей в мюзик-холле Портсмута и т.д. Кипучая светская жизнь, устроенная для уполномоченных обеих делегаций, должна была компенсировать жесткость ведения официальных переговоров и, в конечном счете, смягчить диаметрально противоположные позиции сторон. Существует легенда о том, что в один из воскресных дней, 13 (26) августа, главы делегаций Витте и Комура, свободно говорящие по-французски, тайно встретились в розарии гостиницы и, несмотря на имевшиеся разногласия, говорили о приверженности миру.

Одновременно Рузвельт актуализировал практику рабочих встреч, позволявших не только получать интересующую его информацию напрямую, но и прощупывать реакцию дипломатов, способных донести до правительств его сокровенные мысли. В данной ситуации такими людьми являлись, с одной стороны, финансовый агент Канеко, организовавший для Японии все займы военных лет, а с другой, – российский посол Розен, значительная часть карьеры которого была связана с Дальним Востоком. Утром 7 (19) августа, когда русские уполномоченные отправились на фортепианный концерт,

президент пригласил на закрытую беседу Розена, уговаривая принять сформулированные им условия мирного соглашения, а именно передать Японии южную половину острова Сахалин, а за северную часть – заплатить. На вопрос посла, «неужели он думает, что Россия когда-либо могла согласиться на уплату Японии контрибуции в какой бы то ни было форме, президент ответил: «Откровенно говоря, нет, но как посредник я считал себя обязанным советовать России скорее заплатить известную сумму денег, чем продолжить эту кровопролитную... войну, в то же время, советуя Японии не настаивать на вопросе о возмещении военных расходов» [\[45, л. 7\]](#). Дипломат обещал незамедлительно донести точку зрения Рузвельта до сведения императора в форме «дружеского совета», высказанного приватным путем, а не официального предложения, о чем просил президент [\[29, л. 37\]](#).

Вечером 8 (21) августа, когда русские уполномоченные участвовали в званом ужине, устроенным в их честь секретарем Пирсом, Рузвельт встречался с Канеко. Зная об отказе царя платить какую-либо денежную компенсацию, он настоятельно советовал японцам снизить вдвое запрашиваемую сумму вознаграждения до 600 млн. иен. Не удовлетворенный итогами краткой беседы с японским дипломатом, Рузвельт на следующий день послал ему обстоятельное письмо. Оно началось с констатации факта о получении писем от многочисленных «друзей» Японии, сомневающих в «возможности для нее продолжать войну из-за крупного вознаграждения», поскольку она не заняла никакой русской территории, кроме Сахалина, который в будущем ей еще предстоит удержать. С точки зрения Рузвельта, «согласие на возвращение северной половины Сахалина дает Японии некоторую надежду на получение денег в дополнение к тем, которые ей по справедливости причитаются за русских военнопленных», хотя вряд ли она сможет «получить что-либо подобное той сумме, которую она выставила как необходимую, а именно шестьсот миллионов». Он напомнил, что поскольку именно он рекомендовал русским заключить мир, то имеет полное право советовать и японцам не продолжать войну исключительно из-за контрибуции. Более того, он был уверен, что, если они будут упорствовать в вымогании денег, то цивилизованный мир поддержит отказ России не платить «ту громадную сумму, которая потребована или что-то подобное этой сумме». Стремясь заставить японцев умерить свои требования, Рузвельт прибег к явным угрозам, утверждая, что в случае завоевания Восточной Сибири, им потребуется, с одной стороны, как минимум, «пять сотен миллионов в дополнение к тем, которые уже истрачены», а с другой, – немало пролитой крови собственных солдат [\[29, л. 27-28\]](#).

Предъявленный Рузвельтом ультиматум по существу означал, что если Япония не пойдет на уступки русским, то она не сможет, как ранее, рассчитывать на общественное сочувствие цивилизованного мира. Речь, конечно, шла об отказе банкирского дома Я. Шиффа от дальнейшего финансирования японского правительства. Хотя письмо президента носило конфиденциальный характер, его содержание сразу же стало известно японскому правительству, которое, не выдержав тяжести давления по финансовой линии, сообщило о готовности тщательно обсудить рекомендации Рузвельта с членами кабинета министров, военачальниками и государственными деятелями [\[37\]](#).

Тем временем, находясь в мрачных предчувствиях относительно перспектив мирного договора, Рузвельт в поисках возможного компромисса решил действовать на опережение. Он не ограничился доведением до сведения царя своих телеграфных «советов», а отправил 10 (23) августа посла фон Мейера напрямую в Петергоф, где тот два часа безуспешно убеждал императора принять условия японцев. В числе доводов дипломат указывал, что Сахалин находился в руках русских всего 30 лет, что этот

небольшой островок не представляет особой ценности для огромной России и что без флота, которого Россия лишилась в годы войны, она не имеет шансов на его возвращение. И хотя размер денежного возмещения за передачу России северной части Сахалина не был определен заранее, мир мог быть заключен при наличии простого согласия императора о выплате Японии разумной суммы компенсации, о которой речь должна пойти в ходе последующих переговоров. В ответ Николай II заявил, что, хотя и желает мира, но «не будет платить военную контрибуцию ни в какой форме» и даже готов отправиться на фронт, чтобы сражаться с противником. Он считал, что нельзя сопоставлять нынешнее положение России с поражением Франции во франко-прусской войне 1870-1871 гг., в ходе которой прусские войска, оккупировав значительную часть французской территории, добились выплаты огромной денежной компенсации. По его словам, он скорее «предпочтет потерять временно территорию, чем терпеть унижение, выплачивая военную контрибуцию, как побежденная нация» [\[38, л. 87-88\]](#).

В конце аудиенции с американским послом Николай II все же согласился в качестве вынужденного компромисса оговорить ряд приемлемых для себя условий, на основании которых могли быть продолжены переговоры: «Никакой уплаты военного вознаграждения, а лишь щедрая и широкая уплата за уход и содержание русских военнопленных, но не в такой сумме, которая могла бы быть истолкована, как военное вознаграждение. Отказ Японии от притязания на интернированные суда и ограничение морского могущества в Тихом океане. Россия будут владеть северной половиною Сахалина, а Япония удержит южную половину, ту часть, которая раньше принадлежала Японии» [\[29, л. 16\]](#). Николай II был уверен, что «г. Рузвельт оценит новое свидетельство одушевляющих его императорское величество миролюбивых чувств» [\[34, л. 110\]](#). И хотя американские ученые приписывают принятие им судьбоносного решения о передаче Японии части Сахалина всецело заслугам посла Мейера [\[15, р. 151\]](#), известного своим даром убеждения, документы свидетельствуют о другом. Правящая элита России была вынуждена учитывать запросы части крупных промышленников и земских деятелей, считавших возможным «ограничиться уступкой только южной части Сахалина при условии свободного пользования проливами Лаперузовым и Татарским».

Витте, узнав об окончательном вердикте царя из текста полученной им 12 (25) августа телеграммы, тотчас же «ясно и категорично объяснил президенту, «что Россия далее того, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР сказал г. Лангерке Мейеру, не пойдёт...» [\[34, л. 122\]](#). Убедившись в том, что японцам известен ответ императора, статс-секретарь подтвердил официальную позицию, заявив, что «ни в коем случае и ни под каким предлогом» не откажется от принятых решений, а любое новое предложение будет отвергнуто даже без представления его в Санкт-Петербург. Николай II, одобрив стиль поведения Витте, наложил на его послание резолюцию о необходимости «завтра, во всяком случае, окончить переговоры» [\[34, л. 128\]](#). Заключительное заседание конференции было назначено на 16 августа, поэтому русские уполномоченные стали демонстративно готовиться к отъезду [\[34, л. 116\]](#).

Узнав о зафиксированной дате окончания конференции разочарованный Рузвельт, сообщил своему другу Х. Уайту: «У меня нет надежды на благоприятный результат, но я сделаю все, что в моих силах» [\[23, р. 1313\]](#). И поскольку отношения с Витте полностью разладились из-за его неуступчивости, президент решил напрямую обратиться к императору в попытке склонить его к компромиссу. Он отправил 13 (26) августа телеграмму послу фон Мейеру, предназначенную только для Николая II. По словам Рузвельта, ему крайне неприятно навязывать кому-либо свои советы, но он намеренно

пошел на подобный риск после обнародования министерством иностранных дел заявления о том, что «Россия никогда не заплатит денег и не уступит территории». Согласно его логике рассуждений, «подобное объявление равно ничему, когда Сахалин уже находится в руках японцев», но на данный момент «имеется прекрасная возможность получить мир на почетных условиях». Он напомнил, что обе делегации пришли к соглашению по всем пунктам, кроме двух, касавшихся контрибуции и Сахалина, поэтому мир мог быть заключен «на основе обратной уступки северной половины Сахалина России за уплату суммы выкупа» Японии. Подобное решение само по себе «не связывает русское правительство размером суммы, подлежащей оплате, оставляя ее открытой для дальнейших переговоров». Для этого президент предлагал создание смешанной комиссии из четного числа доверенных лиц (французских, германских или английских) и еще одного независимого члена, не связанного никакими национальными узами, для выработки рекомендаций для воюющих стран. Пугая царское правительство потерей территории Восточной Сибири, Рузвельт намеренно сгущал краски, стремясь путем хитрых манипуляций и откровенного шантажа, добиться своей цели. И хотя он не призывал царя идти против собственной совести, но надеялся, что именно она «подскажет ему мысль о прекращении войны, продолжение которой обернется для России самым великим бедствием» [\[38, л. 91-92\]](#).

Император остался непреклонен. Ознакомившись с новым посланием Рузвельта, он вынес однозначный вердикт: «Я остаюсь при своем мнении» [\[34, л. 126\]](#). В тот же день Мейер телеграфировал президенту о том, что он предостерегал Николая II о возможных территориальных потерях в случае продолжения войны, но тот «предпочитает идти на этот риск, но не платить контрибуцию ни в какой форме». Более того, он сообщил о его указании объявить японским уполномоченным о завершении работы конференции в самое ближайшее время [\[38, л. 94-96\]](#). Стало ясно, что столь долго вынашиваемый Рузвельтом замысел о выплате России контрибуции потерпел крах.

Узнав последние новости из Санкт-Петербурга, глава японской делегации Комура осознал, что переговоры о мире подошли к логическому концу. Об этом он доложил своему правительству 13 (26) августа. Перед отъездом в Портсмут японцы определили для себя четыре необходимых условия, способных обеспечить им благоприятный исход. Речь шла о нанесении сокрушительного удара по русской армии, получении иностранных займов на сумму 300 млн долл., изгнании русских войск из Северной Кореи и полной оккупации Сахалина. С большим трудом было выполнено только два из них, поэтому японское правительство после длительных консультаций в высших кругах согласилось принять все условия России (без Сахалина и контрибуции!), считая, что, пока ситуация в Манчжурии не ухудшилась, следует, как можно быстрее, заключить мир. Печальным для Японии стало известие о том, что русский царь «не уступит никакой территории и не выплатит никакой компенсации» [\[23, р. 1319-1320\]](#).

Японские уполномоченные получили указание продолжить переговоры и при поддержке президента Рузвельта заключить любым способом соглашение, отказавшись сначала от контрибуции, а затем и территориальных приобретений. Получалось, что японцы были готовы заключить мир на условиях более мягких, по сравнению с продвигаемым президентом планом действий, поскольку в первоначальном тексте инструкции, полученной японскими уполномоченными, Сахалин не значился в числе приоритетных целей. К сожалению, царское правительство об этом не знало, но подобной информацией располагал Рузвельт. И хотя дипломатический этикет обязывал его хранить в секрете подобную конфиденциальную информацию, через сутки о готовности царского

правительства уступить половину острова Сахалин узнали и японцы, получив секретные сведения в одной из иностранных миссий в Токио. Исходя из полученных сведений, японское правительство решило «в знак своего миролюбия» отозвать требование о денежном вознаграждении, если Россия откажется от половины острова Сахалин [\[39, с. 102-104\]](#). Ничего не знавший о закулисной части переговоров, Комура безуспешно пытался убедить микадо возобновить военные действия «со всей определённой, пока не появится другая возможность для заключения мира» [\[34, с. 209-214\]](#).

Утром 16 (29) августа перед началом заседания конференции Комура пригласил Витте на частную беседу в надежде узнать последние новости из Санкт-Петербурга. Тот сообщил ему, что царское правительство согласилось на «деление Сахалина со свободными проливами, но без всякого вознаграждения», поэтому японцам «остается только принять или отказаться от окончательного и бесповоротного решения нашего ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА» [\[34, л. 139\]](#). В ответ Комура заявил о возможности отказа от возмещения убытков, но при условии передачи японцам всего острова. Витте категорически отверг это предложение, сообщив о готовности передать им только южную часть Сахалина без выплаты какой-либо контрибуции. Официальная часть конференции длилась недолго: после обмена несколькими фразами между главами делегаций Комура объявил, что японское правительство принимает все условия царского правительства. Вышедший из зала совещаний взбудораженный Витте торжественно объявил присутствующим: «Ну, господа, мир, поздравляю, японцы уступили во всем» [\[41, с. 96\]](#). Русские уполномоченные были ошеломлены известием, поскольку никто не ожидал, что японцы откажутся от контрибуции и согласятся безвозмездно вернуть часть захваченного ими острова [\[17, л. 77\]](#). Даже Николай II, получив сообщение об окончании переговоров, «весь день ходил как в дурмане» [\[42, с. 214\]](#).

Комура сразу же сообщил об окончании переговоров Рузвельту, а Витте отправил ему телеграмму с благодарностью за «гуманные усилия по установлению мира» [\[37\]](#). Президент был «вне себя от радости» и рассыпался в любезностях перед Японией «за великодушие в час ее триумфа» [\[23, р. 1326\]](#). В Европе новость об окончании войны была встречена поздравлениями «в адрес России, неожиданно завершивший ряд военных неудач блестящим дипломатическим успехом» [\[17, л. 127\]](#). В Портсмуте, украшенным флагами бывших противников, в течение получаса звонили колокола, что ранее случалось только в годы Гражданской войны. Эмоции переполняли местных жителей, а появление Витте в гостинице вызвало ажиотаж у местной публики: в диком восторге мужчины подбрасывали шляпы, а женщины плакали навзрыд.

Церемония подписания договора, поставившего жирную точку в окончании русско-японской войны, произошла 23 августа (5 сентября по новому стилю), а его ратификация – 1(14) октября 1905 г. одновременно в Санкт-Петербурге и Токио. Особенность трактата состояла в том, что он представлял собой не акт капитуляции одной из воюющих стран, а документ, примирявший бывших противников, поскольку половина его статей касалась уточнения их прав на владение территорий в Корее и Китае, которые были формально нейтральными государствами. Для России условия Портсмутского мира оказались относительно мягкими по сравнению с первоначальными требованиями японцев: ее главным репутационным уроном можно считать потерю части острова Сахалин. Царскому правительству удалось избежать выплаты контрибуции, компенсировав только затраты на содержание пленных (на основе взаимности) в размере 46 млн. рублей золотом, что было в несколько раз меньше первоначально заявленной японцами суммы. По мнению

современных экспертов, «Портсмутский договор 1905 года стал квинтэссенцией рузвельтовской дипломатии баланса сил. Договор ограничивал японскую экспансию, предотвращал крах России, и в результате, как это описывал Рузвельт, Россия «будет оставлена лицом к лицу с Японией, чтобы каждая сторона могла оказывать сдерживающее влияние на другую» [\[43, с. 323\]](#).

Между тем вопрос об оценке посредничества Рузвельта до сих пор остается открытым, поскольку на прекращение регионального конфликта существенно повлияли и другие факторы, прежде всего, революционные события в России. И хотя результаты миссии американского президента привели к прекращению кровопролития, немаловажное значение имел отклик широкой общественности воевавших стран, считавшей, что Рузвельт лишил их не только лавров, но и трофеев победителя. В Японии после подписания мирного договора начались массовые акции протеста, так как отказ России от контрибуции воспринимался не иначе, как национальное оскорбление. Волна возмущения прокатилась также по России: согласно архивным источникам, рядовые граждане, сомневаясь в добрых намерениях посредника, слезно молили государя не заключать мир, избавив, тем самым, «многострадальную Родину от невыносимых оскорблений ее наносимых» [\[34, л. 134\]](#). Многие из обращений к царю, как помазаннику божьему, выражали чувство скорби из-за того, что «опять восторжествовало в Портсмуте английское коварство, отнявшего у нашего доблестного воинства надежду на возмездие» [\[34, л. 231\]](#).

В современной российской литературе одна из аргументированных точек зрения состоит в том, что круг вершителей судьбы мирного договора в Портсмуте не замыкался исключительно на американском президенте. Подписание трактата на более или менее достойных для России условиях произошло, благодаря искусной дипломатии Витте и твердой позиции российского императора, опиравшихся на стойкость и героизм русских солдат и матросов [\[5, с. 266-267; 44, с. 617\]](#). Что же касается самого миротворчества Рузвельта, то все исследователи, отмечая его персональный вклад в урегулировании острого вооруженного конфликта, советуют учитывать оценку экспертами характерных черт его дипломатии. Одним из них был русский посол Розен, который имел ряд неофициальных встреч с Рузвельтом и поэтому лучше всех остальных был осведомлен о его намерениях. По словам чиновника, «справедливость требует считаться, как с прямолинейностью его характера, с незнакомством его с дипломатическими формами, со свойственной вообще американцам бесцеремонностью, так и с искренностью его убеждений в том, что от него требовала добровольно принятая на себя роль посредника» [\[45, л. 7\]](#).

Трудность переговорного процесса состояла в том, что враждующие страны выступали против непосредственных контактов друг с другом, поэтому Рузвельт был вынужден прибегнуть к так называемой «челночной» дипломатии (shuttle diplomacy), называемой порой «тихой» из-за ее конфиденциальности. Для согласования решения по тому или иному вопросу он поочередно связывался с каждой из сторон и, выступая в качестве почтальона, передавал информацию от японского микадо русскому императору, и наоборот, сохраняя, тем самым, ключевую позицию в ведущихся на конференциях дискуссиях. Налаживание двустороннего контакта при обозначении исходных позиций по ключевым вопросам способствовало выработке взаимоприемлемых вариантов мирного соглашения. Несмотря на видимую отстраненность от официальных контактов, президент настолько глубоко погрузился в работу конференции, что у него не оставалось времени на другие государственные дела. В течение трех недель переговорного процесса (с 27

июля по 23 августа) он не только резко сократил объем официальной переписки, но вообще не обсуждал с кем-либо перипетии дипломатической схватки. Позднее жалуюсь приятелю на тяжесть взваленного на плечи груза ответственности за исход переговоров, Рузвельт указывал, что, с одной стороны, он испытывал радость, когда «довел это дело до конца», а с другой, ощущал себя эмоционально выгоревшим, поскольку ему буквально приходилось все делать самому [\[23, p. 414\]](#).

Ценя выше всего общение с глазу на глаз, он предпочитал проводить деловые встречи в формате тет-а-тет, отвергая общепринятые в дипломатической практике формы этикета. Его демократическая манера общения с собеседником, без фрагов и смокингов в домашней обстановке, имела немалые преимущества. Так, Рузвельт, не присутствовавший ни разу на заседаниях Портсмутской конференции, был в курсе всего того, что там происходило. В случае тупиковых ситуаций он не раз вызывал для частных бесед нужных ему политиков в удобное для себя время, стремясь донести до них собственный образ мыслей. В частности, в течение августа он 5 раз секретно беседовал с японскими (Канеко и Комура) и трижды с русскими дипломатами (Розеном и Витте) в своем загородном доме в надежде найти компромисс между желаемым и достижимым. Разыгрывая роль приветливого хозяина, он получал возможность встречаться с государственными деятелями всех рангов и говорить на переговорах больше, чем предполагалось по официальному этикету. Являясь активным участником переговорного процесса, хорошо осведомленным в деталях о позиции противоборствовавших сторон, он мог сам косвенно влиять на его результаты.

Являясь главой республики, отменившей аристократические титулы после войны на независимость в конце XVIII в., Рузвельт зачастую действовал экспромтом, придумывая разные формы протокольных мероприятий для иностранных гостей высокого ранга. Для европейцев отсутствие общепринятых дипломатических раутов вызывало явное недоумение, поэтому статс-секретарь Витте, встречавшийся негласно с президентом, был шокирован простотой организованного для него приема. Его поразил скромный дом Рузвельта, сопоставимый с дачей небогатого бюргера, прислуга из негров, отсутствие на обеденном столе скатерти и несъедобный по его меркам завтрак с ледяной водой [\[21, с. 478\]](#). Еще более парадоксальный прием ожидал российского посла Розена, приглашенного 30 июня (13 июля) в Ойстэр-бей для вручения президенту верительной грамоты. В отличие от строго выверенной в Европе протокольной церемонии, предполагавшей особую форму одежды, эскорта, обмена речами и торжественного приема, президент встретил Розена на лужайке дома, играя в теннис и только закончив сет, принял его официальные документы. После состоявшегося между ними короткого разговора последовал семейный завтрак, на котором присутствовала супруга президента и ее родственница [\[20, л. 2\]](#).

В ходе переговоров Рузвельт вел активную закулисную дипломатию (back channel diplomacy) в обход официальных каналов, чтобы добиться ускорения решения по спорным вопросам. Исторически сложилось, что доверенные лица того или иного правительства часто становились наиболее эффективными собеседниками, как в плане уточнения спорных позиций между конфликтующими сторонами, так и передачи определенных сигналов друг другу. При данных обстоятельствах ими оказались дипломаты разных стран, с которыми у Рузвельта сложились теплые дружеские отношения. В частности, непосредственную связь с руководством Германии и Франции президент осуществлял не через сотрудников американских посольств, а посредством личного общения с французским и германским послами в Вашингтоне – Жюлем Жюссераном и бароном Германом Шпек фон Штернбургом. И поскольку Рузвельт не

испытывал симпатии к английскому послу М. Дюранду, контакты с политическим истеблишментом Великобритании вел через давнишнего друга Сесила Спринг-Райса, возглавлявшего английское посольство в Санкт-Петербурге. Благодаря принятым мерам, механизм принятия внешнеполитических решений исключал утечку информации и позволял Рузвельту соблюдать секретность в разработке и осуществлении посреднической миссии.

Ведя тонкую дипломатическую игру, Рузвельт не гнушался делиться с узким кругом доверенных лиц конфиденциальной информацией, не предназначенной для разглашения. Так, в 20-х числах августа он отослал германскому и французскому послам для ознакомления свои письма российскому императору, в которых убеждал принять его «вполне беспристрастное предложение» [23, p. 1306-1308]. Сюрпризом для многих из них стал не только факт обнародования секретной переписки с Николаем II, но и проталкивания идеи о «выкупе северной части Сахалина, то есть такой территории России, которая до сих пор еще не была занята японскими войсками» [34, л. 117-118]. Рузвельт, тем самым, намеренно нарушил азы «честного» посредничества, предполагавшего одинаковое отношение к обеим сторонам, без попыток подыгрывания кому-либо. После завершения переговоров он честно признался, что «русские даже не знали, что я писал так же энергично правительству Токио, как их собственному» [23, p. 1328].

Одновременно выяснилось, что японское правительство располагало всеми письмами Рузвельта царю, при этом «каждое из них было прочитано и одобрено бароном Комура перед отправкой». Доказательством неприкрытого двурушничества президента стало вручение Витте перед отъездом в Россию копии писем барону Канеко, в которых говорилось, что если переговоры окончатся безрезультатно по вине Японии, то она лишится «всех симпатий, бывших доселе на ее стороне» [45, л. 7]. Практика рассекречивания конфиденциальных документов шла вразрез с принципами, общепринятыми в дипломатической практике. Однако в Портсмуте большая часть секретных материалов стала не только достоянием противоборствовавших сторон, но и была опубликована в американских газетах, руководство которых считало возможным использовать все доступные средства, чтобы информировать мир обо всем, что проходило на заседаниях мирной конференции.

Рузвельт стремился привлечь третьи стороны к поиску компромисса между Россией и Японией, даже если они проявляли незаинтересованность в успешном разрешении конфликта. Так, давление на Японию осуществлялось по линии взаимодействия с английским правительством. Несмотря на чувство неприязни к Дюранду, президент все же просил его разъяснить японцам, что в случае продолжения войны они могут «потерять больше, вместо того, чтобы получить хоть что-то» [23, p. 1311]. Британское правительство проигнорировало его призыв, перезаключив в августе 1905 г. союзный договор с Японией, предоставлявший ей полный карт-бланш в колонизации Кореи. Не принесло успеха и обращение Рузвельта к Вильгельму II. Зная о неприятии императором даже мысли о денежной компенсации, он все же просил германского кайзера проявить «инициативу» в переговорном процессе [23, p. 1317]. Вскоре в американскую печать просочились сведения о том, что «император Вильгельм будто бы сообщил Президенту, что настоятельно советовал царю заключить мир, если только японские требования могли быть приняты соответствующим достоинству России». Ответ царя был обнародован в ходе аудиенции американского посла Мейера, которому Николай II зачитал текст посланной кайзеру телеграммы. В ней говорилось «о невозможности мира в том случае,

если Япония будет настаивать на выплате в какой-либо форме контрибуции» [\[38, л. 88\]](#).

Более восприимчивым к призыву Рузвельта оказалось французское правительство. Вечером 11 (24) августа посол М. Бомпар в Санкт-Петербурге посетил Ламздорфа, предложив обсудить идею американского президента, ратовавшего за уплату «японцам под благовидною формою умеренной суммы денег, без которых они едва ли в состоянии будут заключать мирный договор». Ответ министра иностранных дел был вполне предсказуем. Он заявил, что суть высказанного французами пожелания до сих пор является «предметом обмена взглядов» между российским императором и американским президентом и потому не подлежит обнародованию. По его словам, «наибольшую услугу в указанном миролюбивом направлении Франция, конечно, могла бы оказать соответственным воздействием на японцев, притязания коих превышают всякую меру» [\[35, л. 8\]](#).

Рузвельт сыграл важную роль в становлении публичной дипломатии, призванной наводить мосты между народами и находить точки соприкосновения их интересов. В промежутках между заседаниями конференции штатные власти и городская общественность устраивали для членов делегаций развлекательные мероприятия. Заслуга в этом принадлежала губернатору Нью-Гэмпшира Дж. Маклейну и мэру Портсмута Дж. Кузенсу, стремившихся создать атмосферу гостеприимства в контексте межкультурной коммуникации. Жители городка с энтузиазмом приветствовали дипломатов на церковных службах, пикниках, званых обедах, концертах и театральных постановках. Сувенирные лавки были заполнены открытками с изображением Портсмута, а в местных ресторанах среди нахлынувших в город туристов популярностью пользовался напиток под названием «коктейль конференции», ингредиенты которого были известны только бармену. Неофициальные мероприятия, сопровождавшие работу мирной конференции, внесли существенный вклад в успех дипломатических переговоров.

Конечно, сейчас, спустя столетие, оценка посредничества Рузвельта представляется более неоднозначной, чем она виделась современникам. Острые межимпериалистические противоречия затрагивали не только отношения между отдельными странами, они охватывали всю систему международных отношений в целом. Это во многом объясняет, почему в условиях обострившихся глобальных противоречий региональный конфликт, получившей в современной западной литературе условное название «нулевой мировой войны» [\[46\]](#), мог в любой момент перерасти в глобальное противостояние. Объективные последствия посреднической миссии, за которую Рузвельт получил нобелевскую премию мира в 1906 г., оказались важнее и значительнее его первоначальных субъективных замыслов. Сам же он, оценивая свою роль в Портсмутских переговорах, утверждал, что «личные чувства в этом деле оказались очень и очень малозначительными по сравнению с огромной потребностью постараться сделать что-то, чего... требовали интересы всего мира» [\[23, р. 1328\]](#).

Подобная многозначительная фраза президента, граничившая с явным бахвальством, характеризует его как человека, знавшего себе цену. Ведь среди его так называемых «малозначительных» деяний значились не только устная договоренность с Японией о разграничении сфер влияния в Восточной Азии, но и зафиксированное в статьях мирного договора «открытие дверей» в Северный Китай для американского капитала на основе принципа наибольшего благоприятствования. Итоги Портсмутского мира привели к изменению баланса сил в азиатско-тихоокеанском регионе, в котором США, благодаря успешному посредничеству Рузвельта, превратились в главного игрока международной

дипломатии. Пророческими оказались слова, прозвучавшие со страниц русской печати: «Америка и на будущее сохранит за собой эту роль посредника... Для нее весьма важно, чтобы ничье абсолютное господство не устанавливалось на тех побережьях, где ее собственные интересы с каждым годом разрастаются» [\[17, л. 107\]](#).

Библиография

1. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003.
2. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.- Ленинград: Академия наук СССР, 1947.
3. Добров А. Ф. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. М.: Госполитиздат, 1952.
4. Гальперин А. Л. Дипломатическая подготовка Портсмутской мирной конференции японо-англо-американским блоком. Исторические записки. Т. 50, Б. м., 1955. С. 69-223.
5. Кутаков Л. М. Россия и Япония. М.: Восточная литература, 1968.
6. Бродский Р.М. Дальневосточная политика США накануне Первой мировой войны. М.: Наука, 1968.
7. Уткин А. И. Рузвельт. М.: Экмо, 2003.
8. Носков В. В. Американская дипломатия, Витте и потеря Россией Южного Сахалина в 1905 г. // Американский ежегодник 2011. М.: Весь мир, 2011. С. 126-160.
9. Писчикова Н. П. Подарки от дяди Сэма. Антирусская позиция США во время Портсмутских переговоров // Родина. 2007. №10. С. 65-68.
10. Лихарев Д.В. Портсмутский мир 1905 г.: дискуссионные проблемы российской историографии // Россия и АТР. 2021. №4. С. 119-138.
11. Dennett, T. (1925). Roosevelt and the Russo-Japanese War. A Critical Study of American Policy in East Asia in 1901-1905. New York: Doubleday, Page & Co.
12. Beale, H. (1925). Theodore Roosevelt and the Rise of America to World Power. New York: Doubleday, Page & Co.
13. Traini, P. (1969). The Treaty of Portsmouth. Lexington: University of Kentucky Press.
14. Esthus, R. (1982). Theodore Roosevelt and the International Rivalries. Claremont: Regina Books.
15. Harcave, S. (2004). Count Sergei Witte and the Twilight of imperial Russia: a Biography. New York: M.E. Sharp, Inc.
16. Пайпс Р. Вклад Теодора Рузвельта в заключение Портсмутского мирного договора 1905 г. между Россией и Японией // Американский ежегодник 2010. М.: Весь мир, 2010. С. 103-115.
17. АВПРИ. Ф.139. Оп.476. Д.438.
18. АВПРИ. Ф.170. Оп.512/1. Д.729.
19. Байбакова Л. В. Роль президента США Т. Рузвельта в выработке предварительных условий мирных переговоров между Россией и Японией (март – июнь 1905 г.) // Вестник Московского университета. 2010. Сер. 8. История. № 6. С. 3-41.
20. АВПРИ. Ф.138. Оп. 467. Д.690/732.
21. Витте С.Ю. Избранные воспоминания. 1849-1911 гг. М.: Мысль, 1991.
22. АВПРИ. Ф.150. Оп. 493. Д. 620.
23. The Letters of Theodore Roosevelt. 8 vols. Cambridge: Harvard University Press, 1951. Vol. 4. P. 1222-1223).

24. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 92.
25. Bishop, J. (1920). Theodore Roosevelt and His Time. New York, 2 Vols. New York: Charles Scribner's Sons. Vol. 1.
26. Gould, L. (1991). The Presidency of Theodore Roosevelt. Lawrence: Univ. Press of Kansas.
27. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 69.
28. Пак Б.Б. Корейский вопрос на Портсмутской мирной конференции // Японские исследования. 2021. №4. С.113-133.
29. АВПРИ. Ф.138. Оп.467. Д.689/731.
30. АВПРИ. Ф.170. Оп.512/1. Д.728.
31. АВПРИ. Ф.138. Оп.467. Д.690/741.
32. Spicer, R. (2005). An Entertaining and Historic Summer. Retrieved from <http://www.portsmouthpeacetreaty.com>
33. Hendrix, H. (2005). An Unlikely Location. The Style and Execution of Theodore Roosevelt's Diplomacy Were on Display at the Portsmouth Navy Yard in the Autumn of 1905. *Naval History Magazine*, 19(4). Retrieved from <https://www.usni.org/magazines/naval-history-magazine/2005/august/unlikely-location>
34. АВПРИ.Ф.143. Оп. 491. Д. 70.
35. АВПРИ. Ф.133. Оп. 470. Д. 93.
36. Корелин А. П. Сергей Юльевич Витте // Россия на рубеже веков: исторические портреты: Сборник научных статей / Сост. А. Корелин. – М.: Изд-во политической литературы. 1991.
37. Portsmouth Peace Treaty. Negotiations. Pt. 3-4. Retrieved from <https://www.portsmouthpeacetreaty.org/>
38. АВПРИ. Ф.133. Оп. 470. Д. 52.
39. Исии К. Дипломатические комментарии. М.: Госполитиздат, 1942.
40. Окамото С. Японская олигархия в русско-японской войне. М.: Центрполиграф, 2003.
41. Коростовец И. Я. Страница из истории русской дипломатии. Русско-японские переговоры в Портсмуте в 1905 г. Изд. 2-е. Пекин: Типо-лит. Российской духовной миссии, 1923.
42. Дневник императора Николая II. Берлин: Слово, 1923.
43. Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2015.
44. Лукоянов И. В. Не отстать от держав ...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Нестор-история, 2008.
45. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 94.
46. The Russo-Japanese War in Global Perspective. (2005). World War Zero. Ed.by J. Steinberg, D. Wolf. Boston, Leiden: Brill.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В современном мире на фоне формирования многополярного мира происходит резкое усложнение привычной системы международных отношений, временно усложняемых различными локальными конфликтами. Очевидно и то, что XXI в. будет ознаменован

постепенным перемещением центра мировой экономики из Атлантики в Азиатско-Тихоокеанский регион. На этом фоне представляется важным обратиться к различным истокам формирования системы международных отношений в Восточной Азии.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является тайная дипломатия президента США Т. Рузвельта во время мирной конференции в Портсмуте 1905 г. Автор ставит своими задачами показать теорию баланса Т. Рузвельта, рассмотреть достоинства и недостатки американского Портсмута в качестве места для международной конференции, а также проанализировать роль Т. Рузвельта в посредничестве на Портсмутской конференции.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать дипломатическую игру Т. Рузвельта на Портсмутской конференции. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 46 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на английском языке, что определяется постановкой темы. Источниковая база статьи представлена прежде всего документами из фондов Архива внешней политики Российской империи. Из используемых автором исследований отметим работы Н.П. Писчиковой, А.Л. Гальперина, Д.В. Лихарева, Р. Пайпса, в центре внимания которых различные аспекты изучения истории Портсмутского мира, а также биографические труды А.И. Уткина и А.П. Корелина. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей международных отношений в Восточной Азии, так и дипломатией вокруг русско-японской войны, в частности. Аппелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что посредничество Т. Рузвельта «представляло своеобразную попытку войти в мировую политику с «черного входа», получив при этом несомненные экономические и политические дивиденды». В работе отмечается, что если раньше американские «политики, действуя в русле доктрины Монро, считали американские интересы сугубо «континентальными», то Рузвельт одним из первых заявил о необходимости раздвинуть рубежи экспансии и заняться освоением азиатско-тихоокеанского региона». Автор показывает широкую палитру процедуры Портсмутской конференции, особое внимание уделяя роли Т. Рузвельта. Примечательно, что американский президент «был вынужден прибегнуть к так называемой «челночной» дипломатии (shuttle diplomacy), называемой порой «тихой» из-за ее конфиденциальности».

Главным выводом статьи является то, что «итоги Портсмутского мира привели к изменению баланса сил в азиатско-тихоокеанском регионе, в котором США, благодаря

успешному посредничеству Рузвельта, превратились в главного игрока международной дипломатии».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».